

Когда Шу Шиюнь очнулся, его взору предстал привычный полог спальни в резиденции Шестого принца, расшитый золотыми нитями. С трудом повернув голову, он сквозь полупрозрачную кисею увидел Нянь Фу, который дремал в гостиной. Мальчишке было всего шестнадцать-семнадцать лет, в доме стоял ночной холод, а он даже не укрылся одеялом.

В комнате царила глубокая тишина. Горели лишь три светильника, их слабые огоньки дрожали, отбрасывая причудливые тени на бумажные перегородки окон. В курильнице тлели успокаивающие благовония, но заснуть снова Шу Шиюнь не мог.

Слова Императрицы, сказанные днем, все еще звучали в ушах, ранив самое сердце.

Шу Шиюнь погладил свой округлившийся живот и долго смотрел в пустоту, пока соленые слезы, катившиеся из глаз, не намочили подушку.

— Фу Ли, Фу Ли... Папочка скучает по тебе... — прошептал он, прикрывая лицо рукой.

Если бы тот ребенок был жив, ему исполнилось бы уже шесть или семь лет, и он давно мог бы сидеть у него на коленях и звать папой. На самом деле, Императрица была права: выносить эту беременность будет невероятно тяжело.

Он с детства рос сиротой, был слаб здоровьем и едва держался на ногах благодаря редким и дорогим снадобьям. Канцлер Шу носил его на руках, оберегая от малейших невзгод, и так он чудом дожился до совершеннолетия. Но он сам, не подумав, отправился в Южные земли, где хлебнул немало горя. После выкидыша его организм был окончательно подорван, и лишь по настоянию Хэ Цинцы он вернулся в Шэнцзин на лечение. Кто бы мог подумать, что, еще не успев поправиться, он снова понесет, возложив на свое тело непосильную ношу.

В конце концов, это он виноват перед Фу Ли, перед Цинцы и перед этим ребенком в утробе.

Он беззвучно плакал, не заметив, как отворилась дверь в гостиную. В комнату тихо вошла изящная женщина и осторожно отодвинула полог кровати.

— Чжэнцзюнь, вы очнулись? — в холодном, как обычно, голосе Сичжао послышалась легкая радость. По словам Тай-и Чжана, Чжэнцзюнь должен был проснуться гораздо позже.

Шу Шиюнь поспешно вытер слезы и охрипшим, слабым голосом спросил:

— С ребенком все в порядке?

— Все хорошо. Тай-и Чжан сказал, что это лишь от избытка тревог и беспокойства, нужно просто как следует отдохнуть, — тщательно подбирая слова, ответила Сичжао.

Она когда-то была личной служанкой покойной Императрицы, повидала на своем веку немало дворцовых интриг и знала толк в борьбе за расположение господ. Проницательная, внимательная, спокойная и рассудительная, она пользовалась полным доверием Хэ Цинцы, который перед отъездом поручил ей присматривать за резиденцией и Шу Шиюнем.

— Тай-и Чжан? — Шу Шиюнь вспомнил этого бодрого и исполненного достоинства старика и, глядя перед собой невидящими глазами, пробормотал: — И то верно. Пожалуй, только он один и осмелился прийти лечить меня.

Хэ Цинцы был далеко на Юге, Канцлер Шу давно скончался, а второй ван был отправлен на борьбу с наводнением на Хуанхэ — у него было желание помочь, но не было сил. В огромном Шэнцзине некому было его защитить. А Императрица царила в гареме безраздельно, ее брат — Канцлер Чжао — обладал величайшей властью при дворе, и все члены рода Чжао занимали ключевые посты, верша судьбы людей по своему усмотрению. Стоило Императрице лишь бросить взгляд, как все эти прихлебатели из Императорской лечебницы тотчас находили предлоги, чтобы не приходить. Даже если кто-то и являлся, то держался с таким видом, будто боялся малейшей связи с резиденцией Шестого принца, опасаясь гнева Императрицы.

Заметив на его лице тень печали, Сичжао утешила его парой добрых слов и велела подогреть и принести ужин:

— Полгода назад на единственного сына Тай-и Чжана напали на улице отпрыски из боковой ветви рода Чжао, желая силой забрать его в наложники. Самого Тай-и Чжана едва не забили до смерти, и лишь благодаря вмешательству вана и Чжэнцзюня их удалось спасти. Тай-и Чжан сказал, что будет помнить эту доброту всю жизнь.

Шу Шиюнь помнил тот случай. В тот день они с Хэ Цинцы только вышли из покоев Вдовствующей Императрицы и, сидя в карете, услышали плач. Раздвинув занавески, он сразу понял, что происходит. Хэ Цинцы был холоден и не любил вмешиваться в чужие дела, но, увидев, в каком жалком положении оказались старик с юношей, Шу Шиюнь не смог сдержать сострадания. Хэ Цинцы не выносил вида его печали, поэтому и вмешался, спасая отца и сына.

Сичжао помогла ему приподняться и сесть, установила на кровати низкий столик и расставила приготовленный ужин.

Шу Шиюнь осторожно придержал живот и бросил взгляд на три-четыре блюда, отчего в желудке тотчас все перевернулось.

Сичжао, увидев его отвращение, мягко уговорила:

— Вы не ели ни в обед, ни в ужин. Сейчас глубокая ночь, до рассвета еще далеко, и даже ради Маленького наследного принца вам нужно хоть немного поесть.